

В четвертой главе дана характеристика крестьянской одежды. Использование широкого круга источников, в том числе музейных коллекций и экспедиционных материалов, позволили проанализировать более ранние этнографические сведения об одежде и выявить ее локальные варианты. Давая обстоятельную характеристику мужской и женской одежды различных локальных групп русского населения Сибири, автор отмечает наличие многочисленных терминологических аналогий с одеждой русского населения Европейской России того же периода. А. А. Лебедева убедительно показывает, что в XVII в. одежда русского населения Сибири была в значительной степени однотипна с одеждой русского населения Европейской России. Однако в XVIII в. традиционный костюм подвергся заметной трансформации. Мало того, появились новые своеобразные виды крестьянской одежды, неизвестные русским Европейской России, заимствованные от коренных жителей.

В пятой главе рассмотрена пища русских сибиряков. В работе хорошо показано, что если первые поселенцы активно осваивали местные продовольственные ресурсы, воспринимали кулинарию аборигенов Сибири, то в XVIII в. в связи с развитием полеводства, традиционная русская пища стала восстанавливаться. Это особенно четко проявилось в земледельческой полосе. Вместе с тем, отмечается значительное заимствование русскими блюд коренных сибирских народов, особенно заметное в неземледельческих районах Сибири, где широко вошли в употребление свежемороженая и вяленая рыба, мясо морских животных, ягоды в качестве приправы к различным рыбным блюдам и т. д.

Последняя, шестая, глава «Особенности формирования и функционирования систем земледелия в условиях Зауралья» посвящена рассмотрению многих важных проблем, связанных с развитием земледелия в Сибири. Автор ее В. М. Суринов весьма обстоятельно проанализировал условия существования трехполья в северных и лесостепных районах Западной Сибири, показал наличие переложной системы и сосуществования с ней трехполья. Он убедительно показывает, что в условиях Сибири перелог и трехполье являлись формами землепользования, применение которых восстанавливало плодородие почвы и не тормозило развитие производительных сил земледелия. Справедливо критикуя некоторых авторов, считавших наличие перелога в Сибири следствием хозяйственной несостоятельности сибирского крестьянства, якобы хищнически ведущего хозяйство, автор, опираясь на собственные исследования и подтверждая их данными других исследователей (например, М. М. Громько) считает, что залежно-паровая система господствовала в Сибири в XVIII и первой половине XIX в. потому, что была наиболее целесообразной для крестьян в данных социальных и естественно-географических условиях. Поэтому в современном сибиреведении закономерно поставлена под сомнение оценка залежной системы как хищнической вне зависимости от условий ее существования.

Таковы основные проблемы, поставленные и освещенные в рецензируемых работах. Следует отметить хорошие рисунки и фотографии, выполненные художниками В. И. Агафоновым, В. В. Вороновой и Ю. А. Аргиропуло, позволяющие наглядно представить характеризуемые элементы материальной культуры, что значительно дополняет текстовую часть. К сожалению, их очень мало, особенно цветных, хотя в распоряжении авторов, как мне известно, имеется большой иллюстративный материал. Было бы желательно его опубликовать. Это значительно расширит представление о многообразии форм материальной культуры, выработанных русскими в Сибири.

Следовало бы также приложить к книге географическую карту рассматриваемой территории и выделить на ней отдельные локальные группы русских, культурно-бытовые различия которых описаны в работе. Думаем, есть основание говорить о возможности выделения в будущем на обширной территории Сибири крупных историко-этнографических областей, связанных с особенностями формирования в них русского населения.

В целом авторский коллектив этнографов-сибиреведов проделал огромную работу. Созданы труды, имеющие большое теоретическое и практическое значение. Они, несомненно, вносят значительный вклад в изучение истории формирования и развития культуры и быта русских в одном из многонациональных регионов нашей страны, а тем самым и в решение проблемы формирования общечеловеческой культуры, выявления многообразия ее форм. Несомненно, что основная задача, поставленная авторским коллективом — раскрытие общности русской народной культуры в разных регионах, заселенных русскими, и ее типологических особенностей в Сибири успешно выполнена. Думается, что на очереди создание подобных работ по другим элементам материальной культуры — утвари, транспортным средствам, орудиям производства и др.

Э. С. Литвин

**РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
(Учебники и учебные пособия последних лет)**

Советские фольклористы в последние 10 лет активно и плодотворно работали над проблемами происхождения русского эпоса, структуры сказки, специфики так называемой несказочной прозы. Новые наблюдения углубили также понимание свойств обрядовой поэзии, народной лирики, проблем фольклоризма писателей прозаического и народного. Движение научной мысли не могло не отразиться на постановке филологи-

ческого образования, начальным этапом которого является изучение народного поэтического творчества.

Первое место в процессе изучения русского фольклора, как и всякой другой научной дисциплины, всегда занимал и продолжает занимать учебник. В конце 70-х годов появились учебник Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина для университетов (Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 1977) и написанное авторским коллективом под редакцией А. М. Новиковой учебное пособие для пединститутов (Русское народное поэтическое творчество. М.: Высшая школа, 1978). Последнее представляет собой переработанное и дополненное издание того же пособия 1969 г.¹ Заново написаны главы о былинах (Б. А. Рыбаков и А. М. Новикова), сказках (М. А. Вавилова), несказочной прозе (А. И. Лазарев). Пересмотрены и другие главы, но общее построение книги осталось прежним.

Объем и содержание этих учебников соответствуют действующим программам. В книге Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина основная часть посвящена рассмотрению отдельных жанров в их историческом развитии. После нее следует очерк истории русского фольклора в целом. В пособии под редакцией А. М. Новиковой материал дается по периодам русской истории: фольклор феодализма, капитализма и советский фольклор. И в первом, и во втором случаях в композиции учебника совмещается обязательный для советской науки принцип историзма с исследованием столь значимой для народного творчества категории жанра. При этом всегда возникают серьезные трудности, поскольку при восстановлении многовековой истории фольклора неизбежен ретроспективный подход. Боязнь повторения выводов и фактов, уже приведенных в связи с теми или иными жанрами, делает исторический очерк в книге Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина чрезмерно сухим и абстрактным. Долговечность фольклорных жанров мешает строгому ограничению их теми хронологическими рамками, в которые они уложены учебным пособием под редакцией А. М. Новиковой. Большинство произведений в нем отнесено к эпохе феодализма, хотя совершенно очевидно, что многие из них возникли еще в доклассовом обществе. Рабочий фольклор рассматривается только в разделе «Эпоха капитализма», несмотря на то что в него вошли сказки и песни, порожденные еще докапиталистической феодально-крепостнической действительностью.

Недостатки учебной литературы — отражают состояние нашей фольклористики, в свою очередь обусловленное спецификой самого предмета изучения. Органически сочетать исторический и жанровый принципы в учебных пособиях станет возможным лишь тогда, когда их авторы смогут опереться на дальнейшие успешные исследования истории русского народного творчества.

Не легкой задачей для создателей учебных пособий становится также определение специфики фольклора. Поскольку единой, общепринятой дефиниции еще не существует, трактовка понятия «фольклор» в новых учебниках не совпадает. Более глубока и точна она, на наш взгляд, в учебнике Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина, где раскрыта диалектика коллективного и индивидуального начал в народном творчестве; отмечены его устный характер и сохранение синкретизма, а кроме того, введен особый раздел о соотношении интернационального и национального в фольклоре, в частности в русском. Последняя проблема в учебной литературе впервые ставится и решается как проблема теоретическая, связанная с самой сущностью изучаемого предмета.

Более традиционное и не всегда точное определение специфики фольклора дается в пособии для педагогических вузов. Так, нельзя безоговорочно принять утверждение, что поэтическое творчество русского народа в основном делится на эпос, лирику и драму (с. 4). Не укладываются в эти рубрики ни обрядовая поэзия, ни афористические произведения, ни несказочная проза с ее информативной функцией, ни, наконец, игровой детский фольклор. Недостаточно подчеркнута эстетическая значимость синкретизма, о нем говорится только как о сохранившемся пережитке прошлого (с. 8). Односторонне решена и проблема художественного метода фольклора, который характеризуется как «своеобразный реалистический», изображающий действительность «крупным планом» (с. 9). Художественный метод волшебных сказок, величальных песен, колядок о серебряных воротах и золотых теремах, колыбельных, воплотивших мечты матери о счастливом будущем ребенка, социально-утопических легенд и т. д. вряд ли подойдет под это определение.

В главах об отдельных жанрах и разновидностях русского фольклора как в первом, так и во втором учебниках использованы новые исследования советских ученых, касающиеся вопросов генезиса былин, классификации прозаических жанров, различий между волшебным и фантастическим элементами в сказке и т. п. Впервые в учебной литературе Н. И. Кравцов и С. Г. Лазутин вводят представление о фольклоре как о качественно специфической системе жанров, но необоснованный пробел в этой системе — отсутствие детского фольклора. Нет его и в оглавлении книги. Этот пробел тем труднее объяснить, так как в 60-х, так и в 70-х годах появлялись новые работы и публикации, посвященные этому разделу устного народного творчества².

¹ Учебное пособие под редакцией А. М. Новиковой соответствует программе пединститутов, охватывает курс полностью и практически используется в качестве учебника, поэтому оно и рассматривается вместе с учебником Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина.

² Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск.: Западносиб. кн. изд-во, 1970; Литвин Э. С. Песенные жанры русского детского фольклора — Сов. этнография, 1972, № 1, с. 58—67; Мартынова А. Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне. — Русский фольклор, XV. Л.: Наука, 1975, с. 145—155.

В пособиях для пединститутов детский фольклор давно занял свое место. В работе под редакцией А. М. Новиковой главы о детском фольклоре начисаны В. А. Василенко. Однако обзор традиционного детского фольклора неполон, в него не вошли сказки, окончательно перешедшие от взрослых к детям («Репка», «Курочка ряба», «Жихарка», «Глиняный паренек» и др.). Весьма спорным следует считать отнесение колыбельных песен к «поэзии словесной игры» (с. 136—137), т. е. в один ряд с закличками, прибаутками и небылицами. Особенности жанра — переходного, тесно связанного с лирикой материнства, предназначенного не для возбуждения активных игровых эмоций, а, наоборот, для успокоения, пассивного восприятия слушателем, — таким образом, затушевываются.

Во многом спорна, а подчас и прямо вызывает возражения одна из центральных глав той же книги — глава о былинах. Анализ их исторического содержания, сделанный таким знатоком древней Руси, как Б. А. Рыбаков, безусловно, обогащает нашу учебную литературу. Убедительно доказана необходимость исторического подхода к эпосу. Однако совсем не освещены образы и сюжеты как художественное целое, не тождественное прототипам и протособытиям, не учтены законы поэтического творчества, преобразующего историческую действительность.

В тех случаях, когда сюжет обнаруживает явное несоответствие предполагаемой исторической основе, высказывается мысль о случайных изменениях и возможной путанице. Например, князь Всеслав Полоцкий оказывается забытым прототипом «излишне демократизированного» Василия Пьяницы (с. 203), хотя между образами воина-чародея Вольги и выходца из народных низов Василия Игнатьевича нет ничего общего.

Былина о царе Калине и богатыре Илье Муромце сводится к летописному известию о появлении в 1239 г. под Киевом требующих дани татар (с. 212), несмотря на то что в ней аналогичный эпизод является только завязкой действия. Основная идея произведения, выраженная нарастанием действия: отказ богатырей служить князю, подвиг Ильи Муромца, завершающий апофеоз — полная победа объединенных русских сил и позорное бегство татар — не имеют никаких аналогий с этим летописным рассказом. Идеино-художественная направленность былин, ее героический пафос, проникающий ее призыв к единению Руси остаются в стороне.

Из-за односторонности анализа, отсутствия данных о специфике сюжетов и характеров раздел о поэтике былин, не связанный с предыдущим изложением, становится чисто формальным. Констатируется наличие в эпосе гиперболизма, ретардации и прочих стилистических особенностей, но чему они служат, какой художественной задаче подчинены, не выясняется.

Несомненное преимущество здесь на стороне книги Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина, в которой историческая основа эпоса рассматривается в единстве с присущими ему поэтическими обобщениями. В ней анализируются сюжеты былин и характеры их главных героев: Святогора (о котором в пособии для пединститутов не упоминается), Ильи Муромца, Добрыни. Читатель получает объективное и разностороннее представление о русском эпосе и о различных способах его изучения, причем дискуссионность проблемы отнюдь не снимается, однако используются здесь не только открытия и гипотезы Б. А. Рыбакова, но и отдельные ценные наблюдения В. Я. Проппа.

Полнее и глубже освещена в учебнике Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина и тема современного состояния русского народного творчества. В пособии под редакцией А. М. Новиковой рассматривается советский фольклор в собственном смысле слова, о судьбе традиционных жанров говорится лишь попутно и очень бегло. Во введении к этой части книги также недостаточно показано, как в новых жанрах советского фольклора используется живая устная традиция и как отмирают, а порой и неожиданно воскресают старинные жанры. У Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина эта проблема поставлена и решена в особом разделе «Судьбы традиционных жанров», где дана объективная оценка сказительского творчества 20—30-х годов, которое многие современные исследователи склонны вообще выводить за пределы фольклора.

Но ни Н. И. Кравцов вместе с С. Г. Лазутиным, ни В. А. Василенко (автор главы о советском фольклоре в пособии для пединститутов) не подчеркнули размах и значение фольклора Великой Отечественной войны — явления поистине уникального как по бурным темпам возникновения, так и по силе патриотического пафоса. Здесь уместна была бы даже известная публицистическая окраска, поскольку это необычайно благодарный материал для патриотического воспитания студенчества.

Нетрудно заметить, что критические замечания, адресованные авторам учебников, касаются преимущественно сложных и спорных вопросов фольклористики. Поэтому они не мешают признанию достоинств появившихся в конце 70-х годов учебников, в которых обобщены результаты изучения истории, стилистики и функций различных жанров русского фольклора. Следует отметить также большое количество иллюстраций (портреты ученых, мастеров-сказителей, образцы вышивок и резьбы и т. п.) в учебнике Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина, а в пособии под редакцией А. М. Новиковой — простоту и доступность изложения. Обе книги своевременно получили высокую оценку в печати³.

Полезное и важное дополнение к названным выше учебникам — новая книга С. Г. Лазутина «Поэтика русского фольклора» (М.: Высшая школа, 1980), вышедшая с

³ Рецензии на учебник Н. И. Кравцова и С. Г. Лазутина: *Азбелев С. Н.* — Русская литература, 1978, № 4, с. 173—176; *Гудошников И. Я.* — Филологические науки, 1978, № 5, с. 113—115. На учебное пособие под редакцией А. М. Новиковой: *Михнюкевич В. А.* — Русская литература, 1979, № 4, с. 213—216.

грифом «Учебное пособие». Нельзя не согласиться с автором, который в предисловии утверждает: «Наибольшие затруднения студенты испытывают при уяснении вопросов поэтики, художественной формы фольклорных произведений» (с. 3). В книге удачно выбраны наименее изученные темы: источники и формы метафоры в загадках, характер символических образов и особенности композиции лирической песни, эпитеты в частушке. Раздел о роли ритма и рифмы в прозаических сказочных жанрах замечателен новизной наблюдений и выводов.

Странно, что в главе «Ритм, метрика, рифма» исследуется только стих частушки. Возможно, стих былины и лирической песни С. Г. Лазутин считает достаточно изученным, тогда нужно оговорить этот пропуск в предисловии, как сделано по отношению к былинному гиперболизму (с. 10).

В заключении к книге даны рекомендации студенту, следуя которым он может проверить, насколько усвоил содержание пособия и выбрать направление для самостоятельной работы над курсовой или дипломом по поэтике фольклора. Эти рекомендации могли быть точнее и конкретнее, например следовало бы привести перечень хотя бы нескольких тем.

Своеобразный путеводитель по основной и вспомогательной учебной литературе, начиная с 30-х годов (от книги Ю. М. Соколова «Русский фольклор» и хрестоматии Н. П. Андреева), представляет собой пособие В. П. Аникина «Русское устное народное творчество (фольклор). Методические указания для студентов-заочников филологических факультетов государственных университетов» (М.: Изд-во МГУ, 1981). Пособия такого типа крайне необходимы при заочной форме обучения. Они должны быть разными для университетов, педагогических институтов, институтов культуры, так как не совпадают ни программы, ни требования к студентам высшей школы разного профиля. Остается лишь пожалеть, что работа В. П. Аникина — единственная за последние пять лет.

Цель и задачи пособия четко сформулированы в начале работы: «Дать методологические и методические указания для усвоения наиболее сложных проблем курса... Пояснения даны к таким вопросам, которые в учебной литературе получили разное решение» (с. 3). Эти установки систематически выдерживаются в пособии. Его ценность определяется также тем, что, критически рассматривая учебники, хрестоматии и монографии по фольклору, В. П. Аникин рекомендует студенту-заочнику, в какой мере и по каким вопросам их можно использовать, даже если они давно изданы и в известной степени устарели.

Большой педагогический опыт автора чувствуется в постановке вопросов к каждой теме, помогающих понять главные особенности проблемы или жанра, а также в адресованных читателю предупреждениях от возможных ошибок. Подчеркивая значение темы «Классики марксизма-ленинизма о фольклоре», В. П. Аникин предупреждает, как опасно механическое заучивание отдельных высказываний вне связи с общей методологией (с. 14).

На основе этого опыта выделены темы, сравнительно полнее и подробнее освещенные: место и значение курса в ряду филологических дисциплин, понятие о народном творчестве, история русского фольклора, сказка и действительность, былина, народная лирика, фольклор и литература. Все они относятся к числу либо дискуссионных, либо трудных для самостоятельного изучения. В этих главах подчеркнуты и удачно сформулированы многие положения, имеющие методологически первостепенное значение. «Влияние фольклора на литературу, — справедливо утверждает, например, В. П. Аникин, — может обрести не очевидные, но внутренние, скрытые формы, которые станут понятны, если изучить основы идейно-эстетических представлений и понятий художника» (с. 72).

Но есть в этом содержательном пособии некоторые, на наш взгляд, субъективные оценки. Очень высоко оценивая главу о былинах во втором издании учебника под редакцией А. М. Новиковой, В. П. Аникин говорит только о сильной стороне этой главы, которая заключается в «последовательном проведении исторического взгляда на происхождение и развитие былины» (с. 52), и не указывает, что ее слабой стороной является отсутствие анализа былины как художественного произведения. Он сам вынужден внести необходимые коррективы и подробнее остановиться на характеристиках героев эпоса, в учебнике ограниченных поисками прототипов.

Весьма спорная оценка дана сказительскому творчеству 20—30-х годов. При всей его бесперспективности нельзя утверждать, что «они (новые сказки и былины. — Э. Л.) не имеют ни малейшего отношения к традиционному фольклору» (с. 18). Они выросли именно на почве традиции, которую не смогли ни преодолеть, ни обогатить. Их появление было закономерным, это становится совершенно ясным при рассмотрении аналогичных процессов в творчестве других народов СССР.

Выявляя специфику народной песни по сравнению с литературной поэзией, В. П. Аникин приходит к следующему выводу: «Песня приобщает певца и слушателей к такому душевному волнению, результатом которого должно стать усвоение этических ценностей» (с. 60). Но разве лирика большого поэта не оказывает такого же нравственного воздействия?

Кроме учебников и учебных пособий при самостоятельной подготовке студенту значительную помощь оказывает хрестоматия, особенно необходимая при изучении курса народного творчества. Вариантность произведений и особые принципы текстологии (сохранение форм устной речи, имеющих художественное значение) требуют тщательного отбора и редактирования текстов. Оба издания учебного пособия для пединститутов под редакцией А. М. Новиковой дополнялись выпуском хрестоматии (первое — 1971 г., второе — 1978 г.). Второе издание хрестоматии, как и само пособие, было пере-

работано. Снято обширное предисловие, в значительной степени дублировавшее учебник. Пополнен популярными в русском репертуаре произведениями раздел сказок («Три царства», «Морозко», «Царевна-лягушка», «Об Иване-царевиче и сером волке»). Введены новые разделы: «Трудовые песни», «Несказочная проза».

Не всегда, однако, оправданы изменения в составе и оформлении раздела «Былины». Примечания к текстам касаются исключительно исторического приурочения сюжетов и буквально совпадают с главой учебного пособия. Плохо представлены былины о главном герое киевского цикла — Илье Муромце, их всего две («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Калин-царь»). Отсутствуют былины с международными сюжетами, требующие постановки проблемы типологических параллелей («Илья Муромец и Сокольник», «Добрыня и Алеша»). Убрана единственная в своем роде былина-скоморошина «Вавила и скоморохи», свидетельствующая о родстве русского эпоса с европейским искусством эпохи средневековья и в то же время о неповторимом национальном своеобразии русской традиции.

Если хрестоматия под редакцией А. М. Новиковой опирается на большой опыт аналогичных изданий, то хрестоматия, составленная Ю. Г. Кругловым, впервые адресована будущим преподавателям русского языка и литературы в национальной школе, следовательно, студентам из разных республик Советского Союза (Русское народное поэтическое творчество. Л.: Просвещение, 1981). Необычное назначение книги потребовало от составителя не только максимальной вдумчивости при отборе текстов, но и новых методических приемов подачи материала. Эта весьма нелегкая задача успешно решена Ю. Г. Кругловым. Хрестоматия составлена с большим вкусом, отобраны произведения подлинно классические для русского фольклора. Они сопровождаются необычно большим для таких изданий словарем, содержащим слова, которые могут быть непонятны нерусскому студенту: «вечерка», «жаловать» и т. п. Хрестоматия снабжена также обильными иллюстрациями, причем изображаются обычные для Руси предметы быта либо реалии русской старины: шуба, хлебница, кольчуга, щит и пр.

Ссылаясь на учебники и лекционные курсы, Ю. Г. Круглов отказался от вступительной статьи и свел до минимума примечания, в большинстве случаев указывая лишь на источники текста. Между тем во вступлении можно было поставить методологически и методически очень важную проблему, как правило, не затронутую или только намеченную в учебниках⁴, — проблему сходства и различия русского фольклора и творчества народов СССР. Примеры связей и параллелей между родным, обычно хорошо знакомым студентам из национальных республик и еще чуждым для них русским фольклором оживляют предмет изучения и облегчают усвоение нового материала. Сказки и эпос, обрядовый и детский фольклор, загадки и пословицы, советское народное творчество дают богатейший материал для установления идейно-художественной общности при ярко выраженном своеобразии труда, быта, природы, истории каждого народа.

Другой тип хрестоматии, также утвердившийся в учебной практике, — сборники произведений одного жанра или группы родственных жанров. Две хрестоматии такого типа составил В. Н. Морохин: «Прозаические жанры русского фольклора» (М.: Высшая школа, 1977) и «Малые жанры русского фольклора» (М.: Высшая школа, 1979). Обе книги, несомненно, полезны, так как позволяют студенту познакомиться с многими произведениями, которые не могли войти в общую хрестоматию по всему курсу. Прежде всего такое знакомство необходимо для понимания жанров несказочной прозы, очень скупо представленных в хрестоматиях общего профиля. Однако эти жанры требуют чрезвычайно строгого отбора и критического отношения к источникам, так как критерий художественности здесь применим лишь с большой осторожностью, степень коллективности бытования далеко не всегда выявлена, среди публикаций немало подделок и литературных обработок.

Некритическое отношение к материалу сказалось и в первой из названных выше работ В. Н. Морохина. Предания о Суворове в его хрестоматии (№ 21 — «Однажды убийца» и № 28 — «В альпийском походе») явно фальсифицированы. Их казенно-патриотическая направленность и риторически-слащавый стиль чужды подлинному солдатскому фольклору. Источник — публикация А. В. Елисеева, в которой записи собирателей перемежаются с сообщениями, почерпнутыми из печати начала XIX в. — ненадежны⁵. Целесообразнее, на наш взгляд, было бы использовать предания о Суворове, записанные собирателем уральского фольклора В. П. Бирюковым⁶.

В обширной вступительной статье составитель в основном рассматривает вопрос о классификации сказок, различно решавшийся учеными различных школ и направлений. Думается, что во вступительной статье следовало бы за счет сокращения этого раздела поставить вопрос о своеобразии русского сказочного репертуара, который в учебниках освещается недостаточно.

Больше нового материала читатель-студент найдет среди преданий, легенд, быличек, устных рассказов. В. Н. Морохин подобрал тексты, более или менее характерные для каждого вида несказочной прозы. К сожалению, бедно представлен фольклор Великой Отечественной войны: в разделе «Сказы и устные рассказы» помещены всего два

⁴ Так, в разделе «Русский фольклор и фольклор народов СССР» в повести под редакцией А. М. Новиковой нет ни одного конкретного примера, вся проблема освещена крайне схематично.

⁵ Елисеев А. В. Народные предания о Суворове. — Древняя и новая Россия, 1879, т. 1, с. 334—348.

⁶ Бирюков В. П. Фольклор Урала. — В. И. Исторические сказы и песни. Челябинск: Челябинское обл. изд-во, 1949, с. 32—34.

текста — «Горячее сердце» о Панфилове и «Рассказ матери о Сергее Тюленине» (№ 41 и 42). При всей своей актуальности оба рассказа совершенно лишены примет коллективного бытования. Совсем не использован партизанский фольклор: рассказы и анекдоты о Ковпаке и других командирах, антифашистская сатира — произведения, действительно бытовавшие в широких народных массах.

Большое количество произведений, полнота бытовой, нравственной, социальной тематики — преимущество другой хрестоматии, составленной В. Н. Морохиным (в нее вошли пословицы, поговорки, загадки). Но композиция сборника для учебных целей неудобна. Прав В. П. Аникин в оценке этого пособия: «Составитель избрал далеко не лучшую в учебном отношении подачу материала в виде выдержек из публикаций разного времени — от рукописных сборников XVII—XVIII вв. до антологии наших дней. Такое расположение материала больше соответствует историографическим целям, чем изучению самого материала»⁷. В. Н. Морохин в предисловии обосновал такое построение пособия тем, что расположение записей в хронологическом порядке позволит студентам-филологам проследить эволюцию текстов (с. 3). Такая задача, принимая во внимание устойчивость и долговечность афористических жанров, вряд ли по силам начинающим филологам. К тому же составитель не снабдил их сколько-нибудь надежными критериями для определения возраста пословиц, который вовсе не обязательно совпадает с датировкой рукописного или печатного сборника.

Недостатком сборника является также безоговорочное включение в него наряду с народными пословицами изречений, почерпнутых из книжных источников, особенно в разделе «Советский фольклор». Из далеко не безупречного сборника А. М. Жигулева⁸ заимствованы изречения: «Хорошая книга — искренний друг», «Наука дает крылья уму» и т. д. (с. 186). Не выделены пословичные афоризмы литературного происхождения, например: «А в сердце лстыц всегда отыщет уголок» (с. 166).

Самым распространенным типом учебных пособий в последние годы стали пособия-монографии, в которых освещаются отдельные темы курса. Монографические пособия опираются на предварительные исследования, предпринятые, а часто и ранее опубликованные их авторами. Самостоятельность суждений, новизна и обилие материала, постановка дискуссионных проблем — отличительные особенности пособий такого типа. Обычно они предназначаются для заочного обучения, но практически используются и студентами дневных факультетов.

Несколько таких пособий, отличающихся высоким научным уровнем, выпущено кафедрой фольклора МГУ. Выбор тем для них прочно обоснован отсутствием единой, общепринятой трактовки этих тем в советской науке; привлечением новых записей, экспедиционных и архивных материалов; полной историографией и библиографией.

Работа А. В. Кулагиной «Русская народная баллада. Учебно-методическое пособие по спецкурсу для студентов-заочников филологических факультетов университетов» (М.: Изд-во МГУ, 1977) посвящена жанру, не так давно завоевавшему право на самостоятельную главу в учебниках, не получившему еще достаточно четко обозначенных границ и законченного общепринятого определения. После подробной историографии вопроса автор исследует соотношение эпического и лирического начал в балладах, характер конфликта в этом жанре, связи его с исторической песней и народной лирикой. Выявляются специфические черты баллады: трагическое в форме преступления, антитеза губителя и жертвы, осуждение насилия и несправедливости. Эстетическое и этическое значение русской баллады показано в пособии убедительно.

Содержательна и насыщена новым фактическим материалом (редкие записи и публикации, извлечения из архивов, данные экспедиций советского периода) книга Н. И. Савушкиной «Русская устная народная драма. Учебное пособие по спецкурсу для студентов-заочников филологических факультетов университетов»: в. I — Классификация и сюжетный состав (М.: Изд-во МГУ, 1978); в. II — Вопросы поэтики (М.: Изд-во МГУ, 1979). Автором выдвинута и доказана концепция сравнительно позднего генезиса народной драмы в России, принципиального ее отличия от более древних обрядов и зрелищ, сильного воздействия литературы на сюжеты и стиль «Царя Максимилиана», «Лодки» и других произведений. Н. И. Савушкина приходит к выводу, что стиль народной драмы отличается от классического стиля традиционного фольклора, но весьма типичен для жанров, испытавших влияние профессионального искусства на поздних этапах своего развития (в. II, с. 56).

Большим объемом и острой полемической направленностью отличается работа В. П. Аникина «Теоретические проблемы историзма были в науке советского времени. Учебное пособие» (М.: Изд-во МГУ, в. I и II, 1978; в. III, 1980). Ученый выбрал одну из важнейших и поныне вызывающих серьезные методологические расхождения проблем фольклористики. Исследования, посвященные русскому эпосу, начиная с 20-х годов и кончая современными опытами структуралистского подхода, рассматриваются им в связи с понятиями традиционности, коллективности, типологического сходства в фольклоре. В. П. Аникин показывает слабые стороны эстетико-психологической концепции А. П. Скафтымова; преувеличение индивидуального творчества и роли сказителей у Ю. М. Соколова и др. Убедительно подчеркнута перспективность далеко еще не освоенного нашей наукой историко-сравнительного и историко-типологического методов, намеченных в трудах об эпосе В. М. Жирмунского.

⁷ Аникин В. П. Русское устное народное творчество (фольклор). Методические указания для студентов-заочников. М.: Изд. МГУ, 1981, с. 94.

⁸ Русские народные пословицы и поговорки/Составил Жигулев А. М. М.: Московский рабочий, 1965

В третьем выпуске пособия содержится развернутая характеристика «советской исторической школы» (А. И. Никифоров, В. И. Чичеро, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков). Методологию и методику, наиболее последовательно примененную В. И. Чичеровым и Д. С. Лихачевым, автор считает наиболее перспективными. В то же время В. П. Аникин предостерегает от повторения ошибок старой исторической школы, рецидивы которой он находит у А. И. Никифорова. Здесь же дана заслуженно высокая, но и критически обоснованная оценка вклада Б. А. Рыбакова в изучение эпоса.

Однако при характеристике деятельности советских фольклористов полемическая направленность подчас приводит автора к оценкам, требующим значительного уточнения. Так, если работы Ю. М. Соколова и В. Я. Проппа оцениваются более или менее объективно, то заслуги А. М. Астаховой явно преуменьшены, а ошибки преувеличены. Рассматривая работы М. К. Азадовского о мастерах народного искусства, В. П. Аникин не считается с тем, что ученый исходил из наблюдений не над былинной, а над сказкой — жанром, в жизни которого традиция предоставляет исполнителю гораздо больше свободы. Е. М. Мелетинский и Б. Н. Путилов, много потрудившиеся в современной фольклористике, вообще упоминаются только в негативном плане. Нельзя не учитывать, что перед нами учебное пособие, читатели которого — студенты-первокурсники. Многие имена они видят и слышат впервые.

По богатству материала и тщательности стилистического анализа к перечисленным выше изданиям приближается монография Ю. Г. Круглова «Русские свадебные песни. Учебное пособие для студентов педагогических институтов» (М.: Высшая школа, 1978). Кроме обычных разновидностей свадебной поэзии — величальных, лирических, корильных песен — автор выделяет немногочисленные, но специфические по содержанию и месту в обряде заклинательные и юридически-бытовые жанры. Поэзия русской свадьбы рассматривается в тесной связи с драматической стороной обряда и воздействием необрядовых произведений, что придает книге необходимую полноту. Особенность работы Ю. Г. Круглова — сочетание в ней исследования с хрестоматией: в виде приложения опубликовано более 200 разнообразных текстов, позволяющих читателю представить себе богатство и красоту русской свадебной песни.

Пособия А. В. Кулагиной, Н. И. Савушкиной, В. П. Аникина, Ю. Г. Круглова при общих достоинствах, главное из которых — полноценное отражение как успехов, так и «белых пятен», фольклористики сегодняшнего дня, имеют и один общий недостаток — слабость методического оснащения. Авторы возбуждают творческую мысль студента, заставляют его заинтересоваться народным творчеством и наукой о нем, но не называют конкретных, желательных или обязательных (для спецкурсов) форм самостоятельной работы. Ю. Г. Круглов пишет: «При отборе текстов автор стремился дать материал для выработки у студентов навыков прежде всего поэтического анализа художественного произведения... Свадебная поэзия — благодатный материал для самостоятельных в полном смысле этого слова студенческих научных разысканий» (с. 3—4). Но какие именно навыки и каким путем нужно их вырабатывать, какие темы разысканий предпочтительнее для начала, он не разъясняет. Не делают этого и другие авторы. В пособиях отсутствуют контрольные вопросы для повторения, не указывается, каким образом подводятся итоги спецкурсов. Не выделены рекомендуемые главы и страницы в обширных библиографических справках. Однако ни один студент не в состоянии прочесть всю литературу, перечисленную в каждом монографическом пособии.

Этот упрек относится и к пособию В. Н. Морохина «Русский сказочный эпос на современном этапе» (Горький: Изд-во Горьковск. ун-та, 1979). В нем привлекают как заявка на актуальную тему, так и широкое использование собственных и студенческих записей. Однако заглавие работы много шире ее содержания: речь идет не о сказке в целом, а лишь о сказках о животных. Выбор этого жанра слабо обоснован в предисловии. Во введении дублируется материал, излагающийся во всех учебниках.

Главное место в пособии занимает сопоставление вариантов по тематическим гнездам и типическим образам. Анализ вариантов и деталей производится тщательно, окончательные же выводы противоречивы. То В. Н. Морохин утверждает, что сказки о животных «живут, развиваются и угасают по тем же законам, как и в прошлом» (с. 70), то они оказываются «оттесненными» литературой, кино, радио и телепередачами» (с. 72). Полной картины современного бытования жанра не создается, потому что автор не обращается к свидетельствам других советских собирателей и не уделяет достаточного внимания исполнителям, аудитории, ее реакции. Данные о рассказчицах сообщаются минимальные (фамилия и возраст). Ничего не говорится о том, в какой обстановке происходит исполнение, каковы состав слушателей и их отношение к сказке. Исследователь не задумывается над тем, что среди исполнителей явно преобладают пожилые женщины, и лишь однажды отмечает изменение текста под воздействием требований детской аудитории (с. 47). Поэтому в пособии отсутствует основной вывод: старинные связи сказок о животных с народной педагогикой в советское время стали решающим фактором их устного бытования.

Странный случай отсутствия не только методической оснащенности, но и определенности читательского адреса представляет собой изданная с грифом «Учебное пособие» Иркутским педагогическим институтом книга В. С. Левашова «Былина в Забайкалье» (Иркутск, 1980). Содержание и построение этой работы вполне отвечают поставленной автором задаче: «Обобщить известные нам материалы, выяснить состав и характер былинного репертуара забайкальцев, степень его сохранности, черты своеобразия» (с. 6). Но остается неясным, связана ли эта задача с курсом фольклора, экспедиционной практикой или групповыми занятиями; предназначено ли пособие для основной или заочной формы обучения; включен ли отсутствующий в программе вопрос о местном эпическом репертуаре в экзаменационные билеты или избран другой способ

проверки усвоения предлагаемого материала. Подобная работа была бы вполне уместна в краеведческом сборнике или ученых записках, но название учебного пособия она не оправдывает.

В книге В. П. Автономовой «Художественное своеобразие фантастики в русском героическом эпосе. Пособие по спецкурсу для студентов заочного отделения филологического факультета» (Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1981) удачно сочетается выбор научной проблематики с ярко выраженной методической ориентацией. По справедливому замечанию автора, фантастика как самостоятельная эстетическая проблема в былинах не рассматривалась. В первой, вводной части работы В. П. Автономова доказывает органичность фантастических элементов эпоса. Она убедительно полемизирует как со сторонниками исторической школы, недооценившими фантастику (Б. А. Рыбаков, Р. С. Липец), так и с исследователями, которые художественный вымысел в эпосе представляли преимущественно в мифологических формах (В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов).

Во второй части пособия с этих же позиций рассматриваются отдельные былинные сюжеты. Примером фантастики, соотносимой с историческими событиями, служит былина «Добрыня и змей». Другой тип фантастики, отразившей мировоззрение, обычаи и бытовые традиции русского средневековья, иллюстрируется сюжетом «Добрыня и Маринка». Фантастика, восходящая к архаическим языческим обрядам, воплотилась в былине о Михаиле Потыке. Те или иные наблюдения В. П. Автономовой можно оспаривать, но проделанная ею работа открывает многие новые черты в давно известных произведениях русского эпоса.

Пособие завершается заданием студенту самостоятельно, в письменном виде проанализировать одну из былин, которые перечислены составительницей. Сформулированы также контрольные вопросы для коллоквиума, завершающего спецкурс. Выполнить такое задание не легко, зато навыки самостоятельной работы над текстом, безусловно, будут приобретены.

К сожалению, издается мало пособий, помогающих преподавателям высшей школы в организации учебного процесса. Опыт работы лучших педагогических институтов страны обобщается в работе А. М. Новиковой и С. А. Джанумова «Практикум по курсу „Устное народное поэтическое творчество“». Для студентов-заочников I курса факультета русского языка и литературы педагогических институтов» (М.: Просвещение, 1980). Авторы рассматривают различные методы проведения занятий: групповые собеседования, индивидуальные задания в пределах общей темы, коллективный доклад, самостоятельно подготовленные несколькими студентами сообщения. При этом выясняются преимущества и недочеты каждого из них.

Названо восемь тем по основным жанрам классического фольклора и две по советскому народному творчеству. Пожалуй, только слишком мало времени рекомендуется отвести на былины и сказки (по 2 часа) и неоправданно много — на народную лирику (8 часов из 16).

К каждой теме подобраны тексты, библиография, сформулированы примерные задания и контрольные вопросы для студентов и, что особенно важно, даны методические указания для преподавателей, помогающие им при подготовке и проведении занятий. Так, например, авторы советуют при руководстве занятиями обращать внимание студентов на формы и методы использования фольклора на уроках в школе, учитывать возможность собирательской работы слушателей и провести с ними беседу по методике записи.

Большой методический опыт обобщен также в книге А. М. Новиковой и Е. А. Александровой «Фольклор и литература. Семинарий. Учебное пособие для педагогических институтов» (М.: Просвещение, 1978). Семинарий рассчитан на студентов старших курсов, уже знакомых с историей русской дореволюционной литературы. Цель занятий — углубить понимание фольклора как идейно-художественной основы русской литературы, а в широком смысле — всей русской культуры. С этой целью впервые введены в пособие на эту тему вопросы «Фольклор и русское искусство», «Сказки и былины в кино», которые, несомненно, заинтересуют студентов.

Большое количество предложенных тем различного масштаба, от обзорных (типа «Песни литературного происхождения первой половины XIX века») до ограниченных анализом одного произведения («Источники народной драмы „Царь Максимилиан“»), предоставляет участникам семинара возможность выбора. Выбор темы облегчается благодаря наличию краткого перечня близких к фольклору произведений того или иного писателя, а также тому, что указаны основные способы индивидуального освоения народного творчества художником. Подчеркнуть эти аспекты в каждой теме авторам семинария, как правило, удается, тем не менее не обошлось и без некоторых исключений.

Так, в теме № 90 — «Фольклор в педагогической деятельности Л. Н. Толстого» обработка былин и сказок в «Азбуке» и «Книжках для чтения» изображена как чисто экспериментальная, решающая лишь задачи обучения и воспитания, словно, учительству в Яснополянской школе, Толстой перестал быть великим художником. Даже не упоминается, что образцы родного фольклора, введенные в детскую книгу гениальным мастером, стали классикой русской детской литературы. Показательно, что и в библиографической справке по этой теме отсутствуют работы о Толстом — писателе для детей.

Слабее других раздел «Творческие связи фольклора и литературы в XX веке (до 1917 г.)». Вводная часть к нему занимает всего полстраницы. Беглость приводит к неточности. А. А. Блок целиком отделен от символизма и оказывается в одном ряду с А. М. Горьким и писателями «Знания» (с. 118). Символизм получает исключительно негативную оценку, хотя обвинение в «нигилистическом отношении» к народному творчеству по отношению к большинству символистов несправедливо. Не всегда они искал

в фольклоре лишь религиозно-мистические мотивы: В. Я. Брюсов сумел услышать голос современной ему городской улицы, К. Д. Бальмонт познакомил русского читателя с легендами и мифами Океании и т. д.

Среди писателей начала XX в. пропущен Н. Г. Гарин-Михайловский, собиратель и издатель корейских сказок, автор и поныне популярных сказок для детей, буквально насыщенных фольклорными реминисценциями. Вызывает недоумение тема № 103 — «Фольклор в творчестве А. И. Куприна и С. Г. Скитальца». Зачем объединять столь непохожих друг на друга писателей? К тому же связи прозы Куприна с фольклором намечены неполно: упомянуты повести и рассказы о старой армии и так называемый «полесский цикл», но ничего не сказано о легендах, заимствованных из русского и восточного фольклора («Аль-Исса», «Демир-Кая», «Кисмет», «Пегие лошади»).

Неполон и перечень произведений в теме № 104 — «Фольклор в творчестве А. А. Блока». Отсутствует «Песня судьбы», где такую огромную роль играют символические образы вьюжной ночи и мудрого старика-коробейника. Не упомянут «Соловьиный сад», сюжет которого построен на типичном для сказки «выпадении из времени». Фольклоризм А. А. Блока настолько сложен и многогранен, что его вообще следовало бы представить не одной, а несколькими темами.

Очень своевременно издана работа Ю. Г. Круглова «Фольклорная практика. Пособие для преподавателей и студентов педагогических институтов» (М.: Просвещение, 1979). Актуальность пособия определяется тем, что по новому учебному плану с 1978 г. для студентов стала обязательной фольклорная практика. В пособии содержатся многочисленные полезные рекомендации о заблаговременной подготовке к проведению практики на кафедре и на факультете, о выборе места для экспедиции, налаживании контактов с населением, местными советами и органами информации.

Кроме указаний методического и организационного характера в пособии обобщен опыт дореволюционных и советских собирателей, Ю. Г. Круглов ссылается на советы, наблюдения, предупреждения Н. Е. Ончукова, А. М. Астаховой, Н. П. Колпаковой, Д. М. Балашова, Н. И. Савушкиной. Хорошо раскрыто воспитательное значение фольклорной практики, пробуждение у студентов любви к народному искусству, приобщение их к научной деятельности.

В книге много живых наблюдений автора над современным состоянием народного творчества, интересны обращения к собственной экспедиционной практике, характеристики исполнителей, бытовые сценки, сопровождавшие процесс записывания текстов. Все это выгодно отличает работу Ю. Г. Круглова от обычных инструкций и методических указаний о собирании фольклора.

Перечисленные выше учебники, хрестоматии, пособия дают прочную научную основу для изучения русского фольклора в высшей школе. Все вместе они отражают поиски и находки советской фольклористики; более мобильные пособия помогают более стабильным учебникам «догонять» ее, подводя итоги дискуссий, подключая новые факты и концепции. В то же время заметно, что еще недостаточно учитывается в учебной литературе другая, не менее важная задача советской высшей школы — воспитательная. Воспитание навыков самостоятельной работы, приобщение к научному творчеству начинается с первых месяцев студенческой жизни. Все разновидности учебной литературы должны ориентироваться не только на освещение предмета, но и на пробуждение активности читателя, которому нужно помочь в выборе путей и форм самостоятельной подготовки и выработки исследовательских навыков.

НАРОДЫ СССР

Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М.: Наука, 1983. 264 с.

Советское кавказоведение за последние два десятилетия сделало значительный шаг вперед в области изучения семьи и семейного уклада в прошлом и настоящем у различных народов Северного Кавказа, о чем свидетельствует большое число публикаций на эту тему. Однако обобщающих трудов по северокавказской семье до сих пор не было. Поэтому появление книги Я. С. Смирновой, представляющей собой итог многолетних исследований автора и первую монографию о семье у народов Северного Кавказа, можно рассматривать как заметное событие в этнографическом кавказоведении.

Рецензируемая книга состоит из введения, трех глав и заключения. Она иллюстрирована и снабжена указателями—именным, предметным, этнических и географических наименований.

Хронологические рамки книги охватывают большой период — со второй половины XIX в. до наших дней, а порой автор совершает экскурсы в первую половину прошлого века. Такой широкий хронологический фон представляется вполне целесообразным, так как без характеристики былой северокавказской семьи и особенностей ее быта было бы, пожалуй, невозможно в полной мере осознать и оценить те поистине огромные качественные сдвиги, которые претерпела семейная организация этого отсталого в прошлом историко-культурного региона за сравнительно короткий срок — 60 лет Со-